

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ, доцент
Байкальский государственный
университет экономики и права

Злоключения «экономической истории» в высшей школе современной России

Экономическая история, прежде неотъемлемая составляющая образовательных программ подготовки экономистов, ныне фактически исчезла из учебных планов вузов в силу «избыточности» в них истории. Стратегии поддержания ее дисциплинарного статуса должны быть направлены на обоснование интеллектуальной самостоятельности экономической истории уже как области экономической науки.

Ключевые слова: экономическое образование, образовательный стандарт, экономическая история, дисциплинарная история, дисциплинарный статус

Траектория движения дисциплины «Экономическая история» («История экономики») в образовательном пространстве высшей школы современной России, если принимать во внимание лишь начальную и конечную ее точки, проста и незамысловата. Преодолев по инерции границу «исторических эпох» и «государств» в качестве неотъемлемой составляющей образовательных программ подготовки экономистов и, соответственно, учебных планов вузов, спустя двадцать лет она из них фактически исчезла, оказавшись за пределами стандартов двухуровневой системы образования.

Внешняя, событийная сторона указанных процессов, а также острота восприятия перемен представителями немногочисленного дисциплинарного сообщества, как это часто бывает, оставили на периферии внимания внутридисциплинарные проблемы экономической истории. Во всех бедах последней стали винить лишь неблагоприятную «внешнюю» среду, в которой приходится порой просто выживать в высшей школе многим отраслям социогуманитарного знания, прежде решавшим, помимо прочего, задачи «морально-политической и идеологической подготовки» специалистов. Возможность возрождения ее былого «величия» предпочли усматривать в противодействии исключительно институциональным (но не когнитивным!) факторам снижения дисциплинарного статуса, не выка-

зывая даже тени сомнения по поводу самого факта существования в прошлом «золотого века» дисциплины [1; 2].

Между тем рассматриваемый период истории дисциплины весьма поучителен как раз тесным взаимодействием институциональных и интеллектуальных условий ее развития, высокой, возьмемся утверждать, степени их соответствия друг другу. Небезынтересен он и попытками содержательной «перестройки» дисциплины.

Достаточно наглядное представление о том, какой дисциплины лишилось в середине 1990-х гг. высшее экономическое образование, дает фрагмент «обязательного минимума» ее содержания из упраздненных образовательных стандартов. Формационный подход программных установок лишь слегка «прикрыт» в них, за неимением лучшего, тридцатилетней давности идей отечественной исторической науки о множественности форм (моделей, типов) феодализма, капитализма или социализма, а местами и простой заменой набившего оскомину «капитализма» ласкающей слух «рыночной экономикой»: *сравнительный историко-экономический анализ моделей развития мирового хозяйства; азиатский способ производства и античное рабство; классическая модель феодальной экономики (Франция), особенности феодального хозяйства (Англия, Германия, Россия, Япония); генезис капиталистической эко-*

номики в странах первого эшелона (Голландия, Англия, Франция, США), реформистский путь перехода к рыночной экономике (Германия, Россия); промышленный капитализм в Японии (патерналистская модель) и т.д.

Впрочем, «лишилось» – не совсем точно, поскольку дисциплина все же сохранилась и в государственных стандартах 1995–1996 гг. в качестве обязательной для подготовки экономистов высшей квалификации по специальности «Экономическая теория» (а также «коммерсантов» и «менеджеров»), и в учебных планах вузов, переместившись для прочих экономических специальностей в число предметов регионального (вузовского) компонента. Тем более что явное понижение статуса не стало преградой для массового производства учебной литературы по дисциплине. Ее поток, напомилавший поначалу небольшой ручеек (1–2 издания в год), достигнув полноводья (12–15) на рубеже тысячелетий, иссяк лишь в 2011 г., к моменту, когда некоторые пособия выдержали уже по десятку и более переизданий. И это при условии, что в расчет берутся лишь книги центральных издательств, хотя немалый вклад в его наполнение внесли и вузовские издательства.

Данный факт, на первый взгляд свидетельствующий об отменном здоровье дисциплины, если принять во внимание содержание тиражируемых пособий, все же заставляет в таковом усомниться. Учебные издания на протяжении всех этих лет в большинстве своем воспроизводили и транслировали на аудиторию унаследованные от прошлого способы организации и интерпретации исторического материала, традиционно связываемые все с тем же формационным подходом [3]. Показательно в этом отношении учебное пособие М.Я. Лойберга [4], неоднократно переиздававшееся во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг., структура и содержание которого во многом повторяли (за вычетом иде-

ологической составляющей, разумеется) авторские разделы коллективного пособия «Экономическая история капиталистических стран» 1973 г. [5].

Начало нового тысячелетия, словно подтверждая связанные с ним ожидания перемен, принесло их и экономической истории. Новые образовательные стандарты 2000 г. для специальностей «Экономическая теория», «Национальная экономика» и «Экономика труда», где она сохранила на время свои позиции как общепрофессиональная дисциплина федерального компонента, переименовали ее из «Истории экономики» в «Экономическую историю». Приведя название в соответствие с общемировой практикой, они, однако, сопроводили ее «программой», этому названию и практике не соответствующей. Стремление уйти от формационного подхода обернулось на деле эклектикой: на пространстве в полтора десятка дидактических единиц нетрудно обнаружить с полдюжины активно осваиваемых историками подходов (как и приоритет, отдаваемый цивилизационному), неизбежно размывающих предметную область дисциплины: *оседлость и кочевничество; присваивающее и производящее хозяйство, становление цивилизации как воспроизводящего хозяйства; роль античного наследия для европейской культуры, вклад восточных цивилизаций (Китай, Индии, арабского Востока и др.); имперский тип воспроизводства: иерархия власти и собственности на Ближнем Востоке и Среднем Востоке, в Индии, Китае, Риме; цивилизация христианского Запада: Средневековье, Возрождение, Реформация и «дух капитализма» и т.д.*

Грань веков ознаменовалась и другой, не столько вселявшей оптимизм, сколько вызывавшей удивление, новацией. Параллельно с процессом изъятия дисциплины из учебных планов «специалитета» началась реализация магистерских программ подготовки исследователей и преподавателей вузов в области экономической истории и

истории экономической мысли. История скромно умалчивает о том, сколькими выпускниками программ «Экономическая история и история экономической мысли» за десятилетие пополнились кафедры вузов или подразделения академических институтов. Зато она красноречиво свидетельствует: учебная литература по экономической истории не обогатилась ни одним учебником или пособием «продвинутого уровня»¹, не говоря уже об изданиях по специальным дисциплинам, предусмотренным образовательным стандартом. Впрочем, набор последних, не будь он дополнен спецкурсами по истории экономической мысли, вряд ли мог быть столь уж однозначно отнесен к учебному плану подготовки магистра экономики: *Теория и история цивилизаций, История российских модернизаций; Методологические и историко-экономические работы Вебера; Экономическая история в классической русской историографии; Междисциплинарные методы исторического исследования школы “Анналов” и др.*

Образовательный стандарт магистерской программы сулил успешным выпускникам возможность продолжения образования в аспирантуре «по научным специальностям согласно перечню Номенклатуры специальностей научных работников», который, впрочем, вскоре был подвергнут ревизии. Одной из жертв его «оптимизации» стала как раз экономическая история (история народного хозяйства), утратившая занимаемую ею прежде самостоятельную позицию и превратившаяся из научной специальности в область исследований экономической теории.

В обретении областью исследований нового имени («Экономическая история» вместо «Истории народного хозяйства»),

как и в открывающихся перспективах сближения с другими исследовательскими областями (общей экономической теорией, историей экономической мысли и методологией экономической науки) хотелось бы увидеть долгожданную тенденцию к «экономизации» дисциплины. Хотя, если взглянуть на ее чисто историческое наполнение, речь, скорее всего, идет все же об «экономии»: *Общие тенденции и закономерности экономической истории человечества; История становления и развития социально-экономических систем и цивилизаций, их типология и сравнительно-исторический анализ; Закономерности, особенности, этапы развития отдельных стран и регионов, факторы, обуславливающие специфику их развития; Сравнительно-исторический анализ различных стран; История развития различных сфер хозяйственной деятельности и народнохозяйственных комплексов и т.д.*

Понижение статуса дисциплины до исследовательской области стало всего лишь закономерным результатом давно шедшего на убыль числа ежегодно защищаемых диссертаций по истории народного хозяйства – количественного показателя, как оказалось, не только снижения исследовательского внимания к ней экономистов, но и ее соответствия статусу научной специальности.

В ряду злоключений, выпавших на долю экономической истории, осталось упомянуть только о свершившемся недавно переходе на систему образования двух уровней, в неизбежно возникшем «зазоре» между которыми ей и суждено было исчезнуть. Надежды на то, что оптимизация вузами дисциплин гуманитарного, социального и экономического циклов, изучаемых будущими бакалаврами экономики, заставит

¹ Пример с ненаписанным руководством для подготовки магистров меркнет на фоне выдержавшего уже три издания учебного пособия для подготовки аспирантов и соискателей ученой степени кандидата экономических наук к сдаче кандидатского экзамена по «Истории и философии науки (экономики)» и включающего в качестве первой части курс «Истории экономики» начального уровня, читаемый первокурсникам (!) экономических вузов [6].

сделать выбор в пользу «не защищенной» стандартом экономической истории, были обречены изначально.

Экономическая история в том виде, в каком она сложилась в высшей школе России, – историческая дисциплина. Изучаемая параллельно с курсом общей экономической теории, оторванная от базовых понятий экономической науки и выстраиваемых ею объяснительных теоретических конструкций, читаемая, как правило, первокурсникам с целью «повышения общей культуры», она по определению не могла сохраниться в учебных планах подготовки бакалавров в силу «избыточности» в них истории. Сообщество экономистов уже давно и не без оснований поставило знак равенства между историей «гражданской» и историей «экономической», которая воспринимается всего лишь частью первой, делающей акцент на описании экономического прошлого².

Действительно, со страниц учебной литературы, призванной систематизировать научное знание и задавать его предметную область, экономическая история предстает дисциплиной описательной, ограничивающейся простой «каталогизацией» фактов, характеризующих экономические отношения минувших эпох. Совпадение познавательных характеристик (предмета исследования, используемых методов и способов теоретизирования) с аналогичными когнитивными характеристиками исторической науки содержит главную угрозу – утраты экономической историей своего статуса, даже безотносительно к действию факторов социального, институционального характера. Будучи не в состоянии предложить интеллектуальные альтернативы истори-

ческой дисциплине, экономическая история как область экономической науки и образования, для которой изучение прошлой экономической реальности лежит на периферии исследовательских интересов, неизбежно уступит решение этой задачи той дисциплине, для которой она является центральной.

Стратегии поддержания дисциплинарного статуса [8] экономической истории должны поэтому уделять основное внимание когнитивным аспектам, быть направлены на обоснование предметной самостоятельности экономической истории уже как области экономической науки, и в этом смысле – основываться на понимании ее интеллектуального содержания. Совершенно очевидно, что без переопределения своего содержания, нового понимания предмета изучения, переформулировки научных и образовательных задач, как и без последующего институционального закрепления изменений сохранить ее статус вряд ли удастся.

Первоочередным шагом на пути к пониманию интеллектуального и институционального содержания экономической истории как области исследования экономической науки, а следовательно, и к выработке стратегии по поддержанию ее статуса является обращение к прошлому экономической истории как способу ее дисциплинарной идентификации. Именно в дисциплинарной истории можно усмотреть корни многих современных проблем, обнаружить причины, по которым траектория когнитивного и институционального развития дисциплины привела ее к упадку.

На сегодняшний день дисциплина до-
вольствуется лишь своеобразным «истори-

² Сказанное справедливо не только по отношению к образованию, но и по отношению к науке. Как справедливо заметил оказавшийся (после того как возглавил сектор экономической истории Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН) по другую сторону дисциплинарных границ историк Ю.П. Бокарев, «исследования в области экономической истории не признаются частью экономической науки, а относятся к историческим дисциплинам. Экономисты настолько привыкли к такому положению вещей, что не задумываются над тем, является ли оно справедливым» [7].

ографическим суррогатом», что изредка излагается в предисловиях, введениях или в разбросанных по тексту учебных изданий «вставках», отсылающих читателя к биографиям или трудам ученых, принявших участие в ее «строительстве», школам, направлениям, этапам в развитии науки. Суррогатом, который не способен оказать конструктивного воздействия на дисциплину, вычленив ее из прочих в соответствии с предметом, методами, задачами, содействовать формированию дисциплинарного самосознания, консолидации дисциплинарного сообщества.

Создаваемая этими немногочисленными историографическими экскурсами картина помещает на одной линии экономистов, использовавших исторические свидетельства для обоснования своих теоретических построений, а также историков, извлекавших из источников историческую информацию с целью воссоздания картины «действительной хозяйственной жизни» прошлого. Набросанная широкими мазками и призванная убедить в рождении новой «синтетической» дисциплины, нового дисциплинарного единства, подобная историография фактически не признает за участвующими в этом синтезе «историей» и «экономикой» сложившихся эпистемологических оснований и, соответственно, собственных предметных полей. Игнорирует она и наличие у «экономики», как и у прочих социальных дисциплин, собственных областей исследования, связанных с изучением прошлого социальной реальности.

Однако повторяемые авторами учебных изданий, словно заклинания, декларации о свершившемся междисциплинарном синтезе, зачастую не что иное, как ностальгия по ставшим уже достоянием истории науки представлениям о структуре и предметных полях экономического и исторического знания. Ностальгия, заставляющая вспомнить о не столь уж отдаленном прошлом, когда историко-экономическое знание рассматривалось ис-

ключительно под углом зрения, задававшимся отнесением политической экономики к числу исторических наук и господством в обоих подразделах исторического знания марксистской теории исторического развития.

Вот только не стало господство «экономического историзма» в отечественном общественном сознании «золотым веком» экономической истории: на всем его протяжении дисциплина была вынуждена отстаивать свое право на существование в системе экономического образования. В стремлении избежать вторжения на предметное поле «исторической политической экономики», она избрала путь описания экономических отношений и производительных сил прошлого в их исторической конкретности: страновой, хронологической, событийной. При отсутствии в учебных планах высшей экономической школы общеисторических дисциплин превратилась в «версию» всеобщей истории, полагающую «экономическую сферу решающей в общественном развитии».

Конец эры «экономического историзма» (не является ли утрата экономической историей как исторической дисциплиной своих позиций в высшей школе тому свидетельством?) ознаменовался закономерным отказом от «ущербной» версии всеобщей истории в пользу полноценной, в которой экономика занимает место в общем ряду сфер общественной жизни, ею изучаемых. Стоит ли поэтому удивляться, что отныне студентов-экономистов будут учить этой дисциплине?

Придет ли в высшую школу экономическая история как область экономической науки и как дисциплина, не просто описывающая «объект» – экономику, хозяйство как специальную область человеческой деятельности, но предлагающая свое видение данного объекта и использующая для этого аналитический инструментарий и понятийный аппарат экономической науки?

Литература

1. *Маркова А.Н.* О фундаментальном значении экономической истории // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник / Под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград: ВолГУ, 2000. Вып. 2. С. 11–29.
2. *Маркова А.* О фундаментальных экономических науках, или История с экономической историей и системой высшего образования // Вестник Института экономики. 2008. № 4. С. 30–42.
3. Круглый стол «Учебники по экономической истории: достижения и неудачи 1990-х годов» // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. М., 2000. Вып. 5. С. 93–107.
4. *Лойберг М.Я.* История экономики: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1997. 128 с.
5. Экономическая история капиталистических стран: учебное пособие / Под ред. В.Т. Чунтулова. М.: Высшая школа, 1973. 376 с.
6. История и философия экономики: учебное пособие / Под ред. М.В. Конотопова. М.: КНОРУС, 2010. 664 с.
7. *Бокарев Ю.П.* Экономическая история и экономическая теория: науч. доклад. М.: ИЭ РАН, 2007. С. 7.
8. *Штигель-Резинг И.* Стратегии дисциплины по поддержанию своего статуса // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов / Под ред. Э.М. Мирского, Б.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1980. С. 107–158.

**Двухлетний импакт-фактор
РИНЦ 2011
(в скобках – без самоцитирования)**

Вопросы экономики	4,322 (4,143)
Социологические исследования	1,348 (1,180)
Вопросы философии	1,179 (1,084)
Педагогика	0,881(0,848)
Вопросы образования	0,855(0,726)
Высшее образование в России	0,760(0,627)
Университетское управление: практика и анализ	0,606 (0,449)
Alma mater	0,491(0,453)
Образовательные технологии и общество	0,404 (0,156)
Философия образования	0,389 (0,151)
Философские науки	0,333(0,262)
Эпистемология и философия науки	0,286 (0,229)
Высшее образование сегодня	0,277 (0,260)
Человек	0,276 (0,224)
Социология образования	0,244 (0,183)